

Борис Львов-Анохин: на спектаклях Мариинского балета мне не нужен спасательный круг

Московские гастролы балета Мариинского театра в зените. Зал Большого театра набит до отказа. Самое оживленное и неспокойное его место — сектор прессы. Чуть в стороне — убежденные седины мэтры отечественной критики. Балетный критик **БОРИС ЛЬВОВ-АНОХИН** комментирует для «Русского Телеграфа» ход гастролей Мариинского балета

— Раньше вы часто бывали в Петербурге и много времени проводили в Мариинском театре.

— Я очень рад его приезду в Москву и должен сказать, что первые мои серьезные балетные впечатления связаны именно с Мариинским театром. Хотя я москвич, я учился в Ленинграде и в студенческие годы часто бывал в Мариинском театре. Я помню Чабукани и Шелест в «Баядерке» — это абсолютно незабываемое зрелище. Или Уланову, которая с Шелест танцевала «Жизель» и «Бахчисарайский фонтан» — это тоже ни с чем не сравнимо, или дуэт Дудинской с Сергеевым в «Золушке». Я помню характерных танцовщиков Ленслера, Заботкина, Бельского, Сапогова. Позже, когда я писал книгу о Шелесте, я часто приезжал из Москвы и был почти на всех премьерах: «Каменный цветок» и «Легенды» Григоровича с Колпаковой, Осипенко, Грядиным — это было потрясающе! Я никогда не забуду выступления молодого Нурсева с Дудинской и Шелест в премьеру «Сотворения мира» с Соловьевым и Барышниковым. Это был театр абсолютно волшебных индивидуальностей и образцового танца, театр замечательной школы, которая ощущалась во всем: от балерин до кордебалета.

— То, что вы видите сейчас в Москве — похоже это на тот Кировский театр? Имеет ли сегодняшняя труппа к той легенде отношение?

— Да, имеет. Несомненно. 1 февраля я смотрел «Баядерку» с неослабным и почти восхищенным вниманием. Мне кажется, что здесь и кордебалет и отдельные вариации, и исполнение главной партии Ульяной Лопаткиной — все слилось в великодушное целое. Сразу отмечу, что эта «Баядерка» представляется мне образцом сохранения классики. Меня трогает вся та называемая «арханжельская» постановка, которая определяет изысканнейший его стиль. Я обожаю бутфорского слона, попутств в руках кордебалетных альфис. Совершенно замечательные пантомимные объяснения и диалоги Брамина с Раджой, Никиты с Гамзатом — вероятно, они могут кого-то раздражать, но меня приводят в полный восторг! А сохранение декораций — эта тщательная перспективная живопись старой школы — это уникальная му-

зейная ценность, на которую смотреть в абсолютном восхищении. Не говоря уже о гениальном, никем не превзойденном акте «Теней»...

— В последнее время стрелы критики летят именно в общий план Мариинского балета: говорят, старые, нет кордебалета, просели корифеи...

— Не знаю, во всяком случае, в том, что я видел — кордебалет был вполне на высоте, вариации в «Тенях» — прекрасны. А если вспомнить «Дон Кихота», то замечательной была вариация Повелительницы дриад в исполнении Светланы Захаровой. Так что ощущение упадка культуры нет никакого. Конечно, если смотреть в микроскоп, в «Лебедином» кордебалет может казаться слабее, чем в «Баядерке». Это можно объяснить премьерой, неосвоенной сценой, а можно объяснить тем, что все зрительское внимание, абсолютный творческий интерес концентрировался Ульяна Лопаткина. Ее лирическое величие, внутренняя ритмическая неспешность, почти религиозный ритуал, какой-то ненамеренный масштаб, который возникает из всех ее движений, — это вещи необыкновенно редкие в наши дни. Никакого расчета на публику! Танцует для себя и про себя, нигде не заискивая и не желая вызвать аллилуйисты. И чем меньше она на это работает, тем более восторженную реакцию публики получает. И все же, что касается «Лебединого», меня поразило — в дурном смысле — тусклый характерный танец. Если кризис характерного танца в Большом театре закономерен — Григорович поднимал его на пунты, культура характерного танца не поощрялась и так далее, — то меня удивило его малоинтересное исполнение в Мариинском.

— Какие проблемы?

— Технические, стилистические, исполнительские. При том, что хореографические тексты танцев сохранились бережно, исполнены они неинтересно. И это печально, потому что замечательные характерные танцовщики были не только в Большом театре, но и в Мариинском. Это огромный пласт культуры именно русского балета и то, что он исчезает из глаз, — тревожно. Я не знаю, почему это так может, нет репетиторов, может, языки нужно искать в школе. В «Дон Кихоте», с характерным танцем дело обстояло лучше, но

тоже не безупречно: я не могу сказать, что они определили темперамент и тонус спектакля. Кстати, замечательно, что в «Дон Кихоте» театр сохранил декорации Гюловина и Корролина. Первая картина Гюловина — это просто замечательно.

Я слышал от молодых балетных критиков много язвительных реплик как раз по поводу первой картины «Дон Кихота». Что это такое — аберрация зрения, смещение художественных координат?

Просто недостаток культуры — больше ничего. Не оценить эту сценическую живость может только человек, не имеющий вкуса, потерявший никогда не имевший глаза. А потом, что они могут противопоставить этому? Я понимаю, что эти декорации нельзя подвесить в балете Ноймайера. Но если «Дон Кихот» идет так, как он идет, возобновленный по мере возможности в старой хореографии, — это лучший вариант.

— Вернемся к «Лебединому». Большой театр забыл версию Горского, отставил в сторону (и, похоже, окончательно) редакцию Григоровича. Большой — театр модернизаций, бесконечных переделок, обновлений, как и сам город Москва. Мариинский театр для «Лебединого» в версии Сергеева 1950 года. Вам она не кажется устаревшей?

— Пока не придет действительно большой балетмейстер, который сможет модернизировать «Лебединое», я, право, не знаю, что с ним делать. В 1969 году Григоровичу не дали довести дело до конца, испортили последний акт. Но его версия имела смысл, это была работа большого художника. Он выдвинул концепцию, с ней можно было соглашаться или нет, но она была. И в ней незбываемым оставался акт Льва Иванова. Что касается редакции Сергеева, первая картина не только у него, но и вообще нигде не была особенно интересной.

— Все томятся в ожидании балетеры...

И тем не менее в этот раз она меньше раздражала — хорошая салонная стилизация. Все тактично, романтично и так далее. С «Лебединой» картиной все ясно. С «Черным» актом тоже все в порядке, за исключением качества исполнения характерной сцены. Самые большие проблемы, как всегда, с финальной картиной. Да, появления Лебеда, которое хорошо делает Лопаткина, смотреть это скучно. И потом, этот последний Зигфрид с Ротбартом — когда-то это смотрелось нормально, сегодня — немного нивно.

— Но вы не возражаете против арханжи «Баядерки»?

— Там это вопрос колорита.

— Хорошо, в Петербурге нет настоящего хореографа, большого художника (в Москве, судя по тому, что Горского поменяли сначала на Григоровича, а теперь на Васильева — они были всегда), но есть неудачная версия Сергеева. Что с ней делать — консервировать?

— А какой другой выход? Что можно советовать, к примеру, Большому театру, у которого нет сегодня настоящей прима-балерины? Что можно советовать Мариинскому театру, не имеющему сегодня настоящего балетмейстера, который мог бы противопоставить что-то этой версии? — Набраться терпения!

— Давайте вернемся к «крупному плану». Вы видели Шелест, Дудинскую, Вечеслову, Макарову, Осипенко. Сегодняшние девушки имеют к ним какое-то отношение? Являются ли они продуктом и результатом движения петербургского балета?

— Мне кажется, да. Мне пока сложно говорить о Захаровой — я видел ее только в одной вариации. И, конечно, давно у меня не было такого крупного впечатления, как от Лопаткиной. Давно не было такого ощущения масштаба, ощущения личности, заявленной в танце. Я не могу и не хочу сравнивать ее с предшественницами, с Шелест, Дудинской, Вечесловой, еще кем-то — они неповторимы. Но хочу сказать: я причисляю себя к счастливым зрителям — я видел Уланову, Дудинскую, Шелест, затем поколение Осипенко, Макаровой, Колпаковой. И когда я сегодня вижу Лопаткину, Вишневу и, вероятно, Захарову, я понимаю, простите за sentimentalность, что счастье продолжилось.

— Кстати, о Захаровой: вас не смущил ее некоторый акробатизм?

— Какой акробатизм? Вы имеете в виду вариацию Повелительницы дриад? Там у нас прекрасное «экарте». В чем акробатика? В том, что это «экарте» у нас звучит замечательно. А делает все это Захарова музыкально, чисто по форме. Эта вариация была по-хорошему эффектной, и, главное, сделана с абсолютной убежденностью и увлечением. Это не акробатизм, скорее темперамент. Акробатизм — это когда ломается классическая форма. Пока эта форма не ломается. Посмотрите, что будет в «Жизели». Там дело сложнее. Теперь о Диане Вишневой. Конечно, спектакль на спектакль не приходится, и в этот раз очаровательной Вишневой не хватило подъема, душевного

Ульяна Лопаткина и Игорь Залеский

бро, хотя танцевала она прекрасно. Лучшие фрагменты спектакля — вариации с кастаньетами в первом акте и вариация с веером в финале. Но, повторяю, ей не хватало внутренней массы, того, чтобы она подчинила себе зал, не хватило балеринской хватки, власти, личности, которая нужна в «Дон Кихоте». Я жду ее выхода в балете Роббинса. Некоторое время назад она была там замечательна. Знаете, мне совершенно не хочется делать этим балеринам замечания.

— Кстати, Лопаткиной часто инкриминируют расчётливость, анализизм — особенно в Москве, привыкшей к эмоциям и накалу. Вы согласны?

— Нет. Это не расчётливость, это высокое благородство и аристократизм. Иногда в финале «Лебединого» думаешь чуть больше тревопи. Ничего подобного. Я не хочу параллелей, но и про Шелест говорили, что она холодна. Это достоинство, это масштаб, это отмена частностей. Даже отсутствие подачи виртуозности расценивается как отсутствие темперамента, что тоже совсем не так. Уланова делала замедленные фуэте, пируэты, что гораздо сложнее. И потом эти темпы у Лопаткиной чрезвычайно насыщены. А танец со змей в «Баядерке» — разве здесь холодность? Просто она не рвет кулисы и — слава Богу.

— Мариинский театр принято называть балеринским и гово-

рить о слабости мужского танца. В Москве развернулось драматическое противостояние Игоря Зеленского с залом Большого театра. Психологическая подоплека проста: «у них» — балерины, «у нас» — танцовщики. Все с этим вроде бы смирились. Но вот, «у них» появляется кто-то, кто откровенно заявляет танцовщик — это я. Далее следует реакция раздраженного зала...

— Постараюсь быть объективным. Да, в «Лебедином озере» он мне понравился меньше. Ему не хватило элегантности, романтизма. В «Баядерке» он гораздо убедительнее, отсюда кажется, что и танцевал лучше. Он танцовщик, обладающий незаурядными данными. Он прекрасный партнер, у него прекрасный прыжок, к тому же он обладает «баллоном», что большая редкость: волевой энергичный напор в танце. В «Баядерке» это подходит больше, чем в «Лебедином». Но все это частично — танцовщик, обладающий незаурядными профессиональными качествами...

— И для завершения: Мариинский балет — это тонуший корабль?

— У меня такого ощущения нет. Во всяком случае, на спектаклях мне спрыгнуть с этого корабля и попросить спасательный круг не хотелось. Хотя часть в театре мне хочется закричать: остановите, я хочу сойти.